

© 1990 г.

М. С. КОМАРОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРЕДМЕТЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИОЛОГИИ

КОМАРОВ Михаил Сергеевич — доктор философских наук, профессор, проректор Ярославского педагогического института. Неоднократно публиковался в нашем журнале.

Мне представляется, что в ходе вновь вспыхнувшей дискуссии о предмете социологической науки в тени остался ряд весьма важных проблем, в частности, о соотношении социологии и политики. Этот отнюдь не простой вопрос в прежние годы решался однозначно: классовые, идеологические и политические функции нашей науки представлялись раз и навсегда установленными. Она подвергалась насильственной политизации и идеологизации, причем нередко это делалось под флагом мнимого преимущества марксистско-ленинской социологии над буржуазной, скрывающей якобы свое истинное классовое лицо. Результат этой «Социалистической» ангажированности сейчас хорошо известен: мы вынуждены признать значительную часть проводимых прежде исследований, особенно в области изучения социалистического образа жизни, социально-классовой структуры в ряде других, утратившими свою научную истинность в силу их нормативного характера, присущей им ориентации на догматические положения научного коммунизма и партийные документы застойного периода.

Естественно поэтому задаться вопросом о том, насколько годится прежнее шаблонное толкование взаимоотношений между социологией и политикой для нынешней бурно меняющейся социально-политической ситуации в стране, когда плюрализм становится повседневной нормой общественного бытия и сознания. Нас всех должен беспокоить вопрос, какой новый облик должна принять социология в условиях демократического общества, по пути строительства которого мы сейчас с трудом идем, трансформируя взаимосвязь экономики, политики и идеологии, отделяя гражданское общество от государства, отказываясь от гегемонии КПСС. В связи с этим возникают вопросы: какие варианты взаимоотношений социологии и политики вообще возможны, в какой мере то или иное толкование предмета социологии влияет на ее социально-политические ориентации, можно ли отделить позицию социолога как ученого от его позиции как гражданина?

Коль скоро мы собираемся развиваться в русле мировой социологии, то возникает возможность и даже необходимость учесть опыт Запада.

Несмотря на то, что в западной социологии тезис «свободы от ценностей» до сих пор считается одним из краеугольных камней, он никогда не

имел всеобщей поддержки. Так было даже в довоенные годы, в период интенсивного расцвета эмпирической и прикладной социологии. Вопрос о том, кому служит социология (или как его точно сформулировал в то время Р. Линд — «Социология для кого?»), не перестает волновать с тех пор всех прогрессивно мыслящих ученых.

В 60—70-е годы проблема взаимоотношения социологии и политики приобретает на Западе особую актуальность. Как определенная теоретическая реакция на ситуацию кризиса социальных наук формируется концепция поливариантности социально-политических ориентации социологии, обусловленных различными толкованиями ее предмета и метода.

Одна из первых попыток описания различных типов взаимоотношения политики и социологии принадлежит известному американскому социологу Э. Шилзу. В дальнейшем эта концепция неоднократно уточнялась и модифицировалась. В статье под характерным названием «Призвание социологии» Э. Шилз выделяет три основополагающих типа взаимоотношений социологии и власти. Первый — «манипулятивный» — характеризуется сотрудничеством с властями: социологическое знание используется для целей управления общественными процессами и манипуляции поведением. Второй — «критический» — тип политической ориентации имеет место, когда социологи отказываются от сотрудничества с властями, занимают аналитическую позицию по отношению к проводимой в обществе политике. Третий — «согласительный» — тип ориентации Э. Шилз связывает с гуманистической функцией социологии, сущность которой заключается в «использовании социологии как части процесса трансформации отношений власти и субъекта посредством улучшения взаимопонимания между людьми и формирования чувства близости» [1, p. 1436—1440].

Последующие дискуссии позволили более детально описать социально-политические ориентации, точнее определить их глубинную связь с тремя ведущими течениями западной социологии: естественнонаучным, который его противники иногда не совсем корректно именуют «позитивистским», «критической» социологией и «понимающей» (гуманистической) концепцией. Рассмотрим более подробно, каким образом в основных парадигмах западноевропейской и американской социологической мысли проявляется взаимосвязь политической ориентации с присущим данному направлению толкованием предмета и метода социологии.

Первая из описанных Э. Шилзом политических ориентации в большей мере присуща господствующему направлению западной социологии, базирующемуся на естественнонаучной методологии. Общество здесь обычно рассматривается как система социальных отношений, состоящая из подсистем, социальных структур, институтов, организаций и групп. Используются методы из арсенала современного научного познания: системно-структурный и эволюционистский подходы в теоретической социологии, математические и статистические методы — в эмпирической. Истоки этого направления коренятся в методологии Э. Дюркгейма, предлагавшего рассматривать социальные факты «как вещи» [2, с. 4]. Свойственные представителям этого течения объективизм и этическая нейтральность в оценке получаемых результатов вытекают из указанной методологической установки. Однако, несмотря на приверженность сторонников идеалам чистой науки, есть веские основания считать, что данный тип социологического познания вместе с естественнонаучной методологией перенес на область социального познания и свойственную последней технократическую ориентацию на «переделку» и изменение природы. Политическая ориентация социологического познания этого типа наглядно проявляется в прикладных исследованиях, связанных с разработкой «социальной инженерии», т. е. с изучением социальных явлений и процессов для фор-

мирования оптимальных управленческих решений. В области теоретической социологии, ориентирующейся на естественнонаучную методологию, связь с практикой носит более опосредованный характер, что и порождает временами ожесточенный спор между сторонниками и противниками данного направления.

Если теперь обратиться к двум другим влиятельным социологическим направлениям, то здесь также может быть прослежена определенная взаимосвязь между специфическим истолкованием предмета и метода социологии, с одной стороны, и ее политической ориентацией — с другой. Причем о своих политических симпатиях и антипатиях, приверженности определенным общественным идеалам представители этих течений заявляют, как правило, открыто, что часто служит поводом для сторонников дюркгеймовской традиции обвинять их в отступлении от научной объективности. Защитники «критической» и «понимающей» социологии говорят о неприменимости в социальном познании естественнонаучной методологии, которая, по их мнению, игнорирует специфику изучаемых явлений, в частности моральные аспекты отношения между субъектом и объектом познания. Такая точка зрения на предмет социологии с неизбежностью предполагает определенную ценностную позицию, которая, например, в случае с «критической» социологией, связана с попытками реформировать социальные отношения для преодоления отчуждения и избавления человека от репрессивного давления существующих социальных структур. Ее сторонники, апеллируя к марксовской критике буржуазного общества, подчеркивают важность социально-философского диалектического анализа социальной реальности во всей ее целостности и противоречивости. Этот подход в новейших вариантах «критической» социологии комбинируется с методом герменевтики. В американском издании более заметно влияние эмпирической социологии, представленной «включенным наблюдением», «описанием отдельных случаев» и др. Впервые она была с успехом апробирована Чикагской школой, имевшей отчетливую либерально-критическую, реформистскую ориентацию.

«Понимающая» концепция в западной социологии акцентирует внимание на изучении субъективной стороны общественных явлений. Рассматривая социальную реальность как производную от индивидуальной человеческой деятельности, ее сторонники стремятся понять внутренний смысл социальной действительности, что, в конце концов, должно способствовать совершенствованию общественных отношений, налаживанию правильной коммуникации, улучшению взаимопонимания между различными социальными группами. Характерно, что используемые в исследовании концепты рассматриваются не в качестве инструментов отражения реальности или систематизации эмпирических данных, а как «чувствующие понятия», по терминологии видного представителя символического интеракционизма Г. Блумера [3, р. 686]. Иными словами, понятийный аппарат служит тому, чтобы оттачивать наше понимание и угадывание действительности, прислушиваясь к происходящему. Специфическими методами исследования наряду с модифицированными методами интуитивного вчувствования, интерпретации действия (символический интеракционизм), используются также особые методы эксперимента и наблюдения (этнометодология).

Выскажу ряд общих соображений о возможности развития в нашей стране, естественно с учетом ее специфики, указанных форм социологического знания. Прежде всего мы должны признать такую возможность, потому что идейно-теоретический плюрализм, с одной стороны, отразил бы сложность и многообразие существующих социальных явлений, а с другой — процесс углубления демократизации общества, при котором вполне вероятно создание альтернативных типов социологического позна-

ния, способных кумулировать мировоззренческие ориентации, формирующиеся в различных слоях гражданского общества. Во-вторых, примем во внимание тот факт, что столь непривычная для нас «гуманистическая» и «критическая» модели социологического исследования довольно близко соприкасаются с культурной традицией марксизма, хотя их современные версии имеют иную концептуальную и исследовательскую природу. Определенный практический интерес для нас может представлять опыт польской социологии, сознательно сохраняющей и поддерживающей традиции гуманистической социологии Ф. Знанецкого. и ассимилирующей к тому же многие позитивные моменты современной радикально-критической западной социологии. В-третьих, усвоение традиций «критической» и «гуманистической» социологии крайне важно для формирования адекватной оценки господствующих у нас в стране эмпирико-аналитических моделей социологии: оно будет служить эффективным противодействием их абсолютизации, которая у нас, к сожалению, наблюдается.

Отметим одно экстра научное обстоятельство. Поскольку социально-экономические перспективы развития нашей страны связаны с углублением экономической реформы на путях регулируемого рынка, то вполне вероятно, что прикладная направленность отечественной социологии не только сохранится, но и усилится. Однако, официально провозглашенный лозунг построения в СССР гуманного, демократического социализма обязывает социологов обратить самое пристальное внимание на гуманистические аспекты проводимых в стране преобразований. Здесь, очевидно, потребуется не только определенная переориентация социологических исследований в смысле тематики и исследовательских приемов, по что уж совсем непривычно для нас. сознательное формирование критической установки по отношению к существующим официальным институтам и структурам. Поэтому одной из важных задач, стоящих перед нашими социологами, я бы назвал настоятельную необходимость переосмысления своего места и роли в новом демократически обновляющемся обществе, формирование критическо-рефлексивной установки по отношению к себе и собственной дисциплине.

Социология должна не только сконцентрировать свои усилия на анализе субъектов исторического действия и активных сил перестройки, как призывает В. А. Ядов [4], но и стать орудием просвещения и образования широких слоев населения, инструментом самопознания общества и человека, что крайне важно в современных условиях. Общественное сознание, как известно, не терпит пустоты, потребность общества в самопознании является постоянной, но пока что эту естественную потребность утоляет лишь общественно-политическая публицистика. Но она не может и не должна подменять конкретно-научное знание об обществе.

Готова ли наша социология выполнить эту задачу? Достаточно очевидно, что в ее нынешнем состоянии не готова. Нужны радикальные меры по перестройке системы социологического знания, существенная модификация концептуальных средств и исследовательских приемов, что невозможно осуществить без интенсивного включения ее в процесс развития мировой социологии.

Насколько язык описания и объяснения общественных явлений, свойственный современной мировой социологии, отличается от принятых в нашей теоретической социологии концептуальных средств, имеющих по большей части социально-философское происхождение, достаточно наглядно видно при обращении к понятию «социальные отношения», в которых некоторые специалисты видят главный предмет социологии [5. с. 11—16]. Первостепенное внимание при этом обращается на социально-экономические безличные отношения и структуры, обуславливающие жизнедеятельность классов, различных социальных слоев и групп. Одна-

ко упускаются из виду два фундаментальных момента. Во-первых, на языке социологического анализа система социальных отношений адекватно описывается посредством понятий социальной роли и социального статуса, так как конкретными носителями общественных отношений выступают, прежде всего, люди, выполняющие определенные типы деятельности и соответственно имеющие определенный статус в социальной иерархии. Роли и статусы — это исходные социальные элементы, из которых складываются базисные формы социальных отношений — различные социальные группы, организации и институты. Необходимо понять и признать, что не социальные отношения как таковые являются объектом изучения социологии (их в обществе бесчисленное многообразие), а устойчивые формы этих отношений, точнее — типизированные или стандартизированные аспекты социальных отношений, в которых как бы затвердевает текущая и изменяющаяся социальная реальность. Не семья или производственный коллектив как таковые, не «живые» и конкретные явления с их многообразными и меняющимися условиями, атмосферой взаимодействия людей образуют предмет изучения социолога, а определенная типическая форма семьи или форма производственного коллектива, описываемые универсальным языком социальных ролей, статусов, норм, ценностных ориентации и т. п. Иными словами, социолог в отличие от писателя или поэта интересуется не конкретными особенностями и подробностями человеческого бытия, а их универсальными, типичными и устойчивыми формами.

Главная ошибка, совершаемая отечественными социологами, заключается в том, что анализ природы и содержания социальных отношений, долженствующий осуществляться и категориях эмпирической науки, к числу которых относятся «мотивы и ценностные ориентации личности», «статусно-ролевые отношения и нормативные комплексы (институты)», подменяется привычным социально-философским анализом, уводящим в прямо противоположную от социологии сторону. Явно путая социологический, конкретно-научный подход с истматовским, авторы учебника «Марксистско-ленинская социология» убежденно заявляют, что «Природа и содержание социальных отношений могут быть правильно поняты прежде всего на основе анализа положения и роли той или иной общности (группы) в системе общественного производства...» [б. с. 9—10].

Второй существенный момент, касающийся природы социальных отношений, ведет к игнорированию нашими социологами понятия культуры. Обыкновенно упускается из виду тот факт, что система социального взаимодействия и общения людей регулируется определенным комплексом «значений», как принято говорить в современной социологии со времен М. Вебера. Последний определяется господствующими в обществе культурными стандартами: системой знаний, верований, идеологией, обычаями, традициями и др. Поэтому корректный социологический анализ социальных отношений должен непременно учитывать три тесно взаимосвязанных и в то же время относительно независимых уровня: личность — социальная система — культура. Задачей социологического исследования как раз и является выяснение механизма взаимодействия этих трех уровней, в первую очередь, на стыке социальной и культурной систем, так как в соответствующих узловых точках общественных отношений порождаются, сохраняются и функционируют различные институционализированные структуры — от семьи до государственно-правовых организаций. Это, если хотите, один из самых важных «уроков западной социологии», не усвоив которого невозможно говорить о каком-либо серьезном продвижении в развитии культуры социологического мышления в нашей стране. Поэтому один из путей выхода отечественной социологии из тупика, в который завела ее прикладная направленность и

идеологическая ангажированность, мне видится в «возвращении человека в социологию». Под этим подразумевается обязательная психологическая и культуроведческая грамотность профессиональных социологов, чего сейчас часто не достает большинству исследователей. А это предполагает необходимость дальнейшей углубленной разработки социологической концепции личности в ее ценностно-смысловом разрезе.

Объективистски-фетишистское истолкование природы социальных отношений, их обязательная редукция к социально-экономическим являются не только следствием укоренившейся привычки мыслить готовыми схемами, но и недостатком профессиональной социологической культуры. Поэтому одна из главных методологических задач сейчас заключается в том, чтобы в полной мере усвоить логику формирования социологии как нефилософской науки, объектом изучения которой выступают эмпирически фиксируемые, типические и повторяющиеся образцы человеческого действия и социального взаимодействия, а отнюдь не абстрактно-конструируемые социальные отношения и социальные сферы.

Одна из серьезнейших проблем, возникающих при определении предмета социологии в терминах социальных отношений и социальных общностей, касается места и роли в социологии институционального анализа. Остается неясным, кто будет изучать крайне важную для социального познания область социальных институтов (экономика, государство, семья, наука, религия, образование и др.), а также различного рода организаций, как формальных, так и неформальных, понимаемых, разумеется, в социологических, а не в социально-философских терминах. И те, и другие по своей природе, структуре и функциям значительно отличаются от социальных общностей (групп), так как их деятельность связана с выполнением фундаментальных потребностей социальной системы, определяющих ее целостность и стабильность. В истории социологии, начиная с О. Конта и Г. Спенсера, изучение социальных институтов всегда считалось важнейшей задачей. Исторический материализм, за которым, вероятно, остается эта область, способен дать лишь самое общее представление о деятельности различных институтов в рамках известных дихотомий (общественное сознание — общественное бытие, базис — надстройка), фиксируя внимание главным образом на исторических трансформациях социальных институтов.

В современной литературе продолжает жить определенный канон социологического анализа и объяснения, узаконенный популярной в застойные годы трехуровневой моделью марксистско-ленинской социологии, в которой историческому материализму и научному коммунизму отводилась роль общесоциологической теории, соотносимость с которой или просто достаточно произвольное установление связи между ней и изучаемым явлением, будь то наука, искусство или быт, рассматривались в качестве своеобразного стандарта социологического объяснения. Многолетнее господство трехуровневой модели социологического знания, по существу, явилось тормозом развития социологии как самостоятельной науки об обществе, привело к превращению ее в прикладную дисциплину, что вполне устраивало идеологов-монополистов. В результате социологическим исследованиям была уготована роль вспомогательного, иллюстративного средства для известных теоретических положений истмата и научного коммунизма, или, что случалось еще чаще, они предназначались для обоснования формулировок очередного партийного документа.

Трехзвенная модель, отрицающая социологию в качестве суверенной науки, продолжает здравствовать, хотя и в несколько модифицированном виде. Именно так следует расценить предлагаемые новые трактовки предмета социологии В. Н. Ивановым и В. А. Ядовым, хотя эти авторы вроде бы ратуют за ее самостоятельность. Предпринятые ими попытки

дать новое толкование социологии путем определения ее предмета в терминах «социальных отношений» или «социальных общностей» заслуживают острой критики именно потому, что при кажущейся внешней новизне предлагаемых трактовок предмета и задач социологии сохраняется приверженность старым догмам, а это приводит к крайне неудовлетворительному и паллиативному решению. Если прежде социология и истмат в своих существенных аспектах отождествлялись, что фактически закрывало пути для самостоятельного развития социологической науки, то теперь предлагается другой вариант: социология, будучи в известной степени независимой «проблемно-ориентированной» дисциплиной, получает самостоятельность, но как частная наука наряду, скажем, с экономикой, политологией, правоведением и другими общественными дисциплинами. Но в действительности при таком подходе за истматом остается функция общесоциологической теории, а социология превращается в одну из областей практического ее применения, становится прикладной дисциплиной. В результате социология остается без общества, а общество — без социологии.

В спорах о предмете социологии нельзя обойти вопрос о ее институционализации, так как, строго говоря, мы не в состоянии точно зафиксировать гносеологический и социальный статус науки, пока не завершён процесс превращения ее в зрелую, «нормальную», по выражению Т. Куна, науку. Нередко эту проблему сводят к частному вопросу — отсутствию системы социологического образования и подготовки квалифицированных кадров, но в действительности институционализация — более сложный и многогранный процесс, анализ которого помогает лучше высветить многие вопросы.

В социологии науки институционализация какой-либо научной дисциплины обычно рассматривается с двух сторон — внутренней и внешней. С точки зрения внутренней институционализация означает совершенствование организационной структуры науки, наличие устойчивого разделения труда внутри дисциплины, формирование ее профессионального этоса, разработку эффективных исследовательских методов и приемов, что в совокупности должно обеспечить действенный процесс производства и систематизации знаний в определенной области познания. Второй, внешний аспект институционализации предполагает интеграцию, активное включение науки в систему общественных отношений, усвоение научным сообществом норм, ценностей, идеалов и требований общества.

Посмотрим, как с этих позиций следует расценивать ситуацию в отечественной социологии. Среди критериев внутренней институционализации наряду с профессионализацией и возникновением этоса науки одно из важнейших мест принадлежит разделению труда — наличию в организационной структуре науки трех относительно независимых уровней. Первый представлен фундаментальными научными исследованиями, задачей которых является приращение научного знания путем построения теорий, раскрывающих универсальные закономерности и принципы данной области. Второй уровень — это прикладные исследования, в которых ставится задача изучения актуальных, имеющих непосредственную практическую ценность, проблем на основе существующих фундаментальных знаний. И, наконец, третий уровень — это технология, область практического внедрения научных знаний с целью конструирования различных технических средств и совершенствования имеющихся технологий. В социальных науках технологическую сферу обычно называют социальной инженерией.

Указанные три уровня, безусловно, должны присутствовать и функционировать в зрелой научной дисциплине. Очевидно также, что при отсутствии какого-либо из этих уровней институционализация науки не мо-

жет считаться завершенной, ее эффективность не достигает, так сказать, пороговой величины. Они должны присутствовать и в социологии, если она претендует на статус нормальной научной дисциплины.

В американской социологии, например, проблема дифференциации уровней познавательной деятельности была достаточно хорошо осознана еще в 30-е годы, и в настоящее время общепринято разделение труда между академической наукой, прикладными исследованиями и социальной инженерией. Это разделение труда имеет под собой солидную материально-финансовую и организационную базу, хотя грань между этими уровнями весьма подвижна. В. А. Ядов верно подмечает, что сейчас на Западе, особенно в США, прикладная функция преобладает и что для западной социологии в целом характерен проблемно-ориентированный подход [7]. В то же время не следует упускать из виду тот бесспорный факт, что концептуальную и методологическую основу прикладных исследований составляют теоретико-методологические концепции академической социологии, пустившей глубокие корни в вузовской, точнее, университетской среде. Теория социального действия, структурный функционализм, неозволюционизм, символический интеракционизм, этнометодология и другие концепции представляют собой разные варианты академической социологии, призванной теоретически обосновать универсальные модели социального поведения человека и принципы социальной организации. У нас, к сожалению, нет ничего подобного, за исключением, пожалуй, концепции диспозиционной регуляции поведения В. А. Ядова, хотя мы зачастую используем концептуальный аппарат некоторых академических концепций, не ведая о его реальном источнике. Примером может служить популярная у нас ролевая теория личности, основы которой были заложены в 30-е годы американскими учеными Дж. Мидом, Р. Липтоном и др.

Здесь уместно будет подчеркнуть, что именно создание авторитетной академической теории в американской социологии в 50-е годы, которая тогда ассоциировалась с теорией социального действия и системно-структурной методологией, завершило длительный период институционализации социологии как автономной и независимой дисциплины. К тому времени другие «этажи» функционирования социологического знания — прикладные исследования и социальная инженерия — имели уже опыт нескольких десятилетий, и многие организационные вопросы были успешно решены: АСА была создана еще в 1905 г., имелось несколько авторитетных журналов, была налажена система подготовки научных кадров в университетах, имелось и общественное признание со стороны различных общественных групп и т. д. Однако именно создание авторитетной общесоциологической теории послужило важнейшим фактором институционализации социологии в США.

К сожалению, в отечественной социологии мысль об исключительно важной роли теоретического знания (не путать его с социально-философскими и политическими «основаниями») пока еще не снискала понимания, что само по себе может служить симптомом незрелости дисциплины. Широко распространенное отождествление общесоциологической теории с истматом лишь запутывает и затрудняет процесс создания такого рода теорий. Отдельные попытки формирования самостоятельных, опирающихся на собственный концептуальный аппарат, проверенные эмпирические факты и обобщения социологических теорий крайне редки в отечественной социологии. Насколько мне известно, такая работа проводится лишь в области социологии семьи [8], но и здесь теоретические исследования не оказывают заметного влияния на состояние отрасли, так как большая часть исследований по-прежнему носит социостатистический, дескриптивный характер.

Поэтому мне представляется, что вновь вспыхнувшие споры о предмете социологии будут оставаться схоластическими и бесплодными до тех пор, пока не будет сформулирована научная общесоциологическая теория, или, по меньшей мере, выработана некая общепринятая концептуальная модель изучаемой социологией сферы социальной реальности, задающая обобщенное представление о функционировании общества, его социальных институтов и структур.

Отсутствие развитой теории одним из своих негативных последствий имеет то обстоятельство, что крайне трудно отличить собственно социологические исследования от других типов социального исследования, особенно от социально-экономических, так как до сих пор неясно, в чем заключается их своеобразие. Напрашивается вывод, что термин «социология» скорее всего является собирательным понятием для различного рода социально-статистических исследований, которые оккупируют «ничейную» землю, находящуюся между экономикой и психологией. Об отсутствии каких-либо четких стандартов идентификации исследований в качестве «социологических» достаточно наглядно свидетельствует тематика статей, публикуемых в данном журнале. Здесь можно найти все: от социально-философских эссе до анализа читательских предпочтений, но при этом социально-экономическая проблематика явно преобладает.

В таком случае существует более подходящий термин для подобных исследований - «социография», подразумевающий свободное описание и литературную интерпретацию определенного круга эмпирических фактов. Для многих наших газет и журналов социология отождествляется с изучением общественного мнения, что не совсем верно, так как собственно социологическое изучение, массовый опрос различных социальных групп имеет другие цели и задачи, обусловленные постановкой определенной проблемы, выдвижением гипотез и т. д. Изучение общественного мнения — это типичный образчик прикладных исследований, и в принципе здесь можно обойтись без термина «социология», как это делают в некоторых западно-европейских странах, называя подобные исследования демокопическими [9].

Увлечение статистическими и сугубо эмпирическими методами социального исследования представляет своеобразную «детскую болезнь» отечественной социологии: укоренившийся в сознании многих социологов-исследователей стандарт социально-статистического прикладного исследования ошибочно отождествляется с научным стандартом социологического исследования вообще, тогда как в действительности это всего лишь его начальная ступень. Американская социология, например, была заражена этой болезнью на протяжении 20—40-х годов, ее рецидивы проявляются и сейчас в связи с большим спросом на прикладные исследования. Как и любая болезнь, этот «профессиональный инфантилизм» способен затормозить на какой-то период прогрессивный рост науки, и даже привести к негативным результатам, к так называемому ползучему эмпиризму, отдельные грозные симптомы которого уже заметны в отечественной социологии. Но хотелось бы надеяться, что активное ее включение в процесс развития мировой социологии и чрезвычайно высокая потребность самого общества в развитии эффективной и влиятельной системы социологического знания послужит серьезным импульсом для выхода из того тупика, в котором оно ныне пребывает.

Не может не вызвать сожаления тот факт, что именно сейчас, в период углубления демократизации страны, когда пробудившееся общественное сознание народа испытывает большое доверие к социологии, сами социологи в силу недостаточного профессионализма и укоренившейся приверженности к идеологическим догматам пропагандируют искаженное представление о своей науке, сводя ее содержание и познавательный по-

тенциал лишь к прикладным функциям социологического знания, ориентируясь на выполнение очередного социального заказа.

С позиции развития процесса институционализации социологии в нашей стране и ее современного кризисного состояния можно наметить несколько путей выхода из сложившейся ситуации.

Во-первых, опыт развития западной социологии свидетельствует о том, что социально-организационной и материальной основой успешного становления социологии является сфера университетского и вузовского образования, где могут сложиться наиболее благоприятные условия для развития фундаментальных исследований, как теоретических, так и прикладных. Аналогичным образом и в нашей стране университетские кафедры и отделения социологии должны стать их опорной базой. Здесь важно с самого начала правильно выбрать ориентиры, нацелившись на преимущественное развитие фундаментальных исследований, для чего потребуются в качестве первого шага провести большую работу по адаптации западной учебной литературы, а затем перейти к ассимиляции концепций академической социологии. Хотим мы этого или нет, но без кропотливой и вдумчивой работы по усвоению достижений западной социологии никакого серьезного продвижения вперед не получится, и мы от своего провинциализма никогда не избавимся. Учитывая профессиональную неподготовленность вузовской среды для усвоения и развития социологии, разумно было бы начать с создания кафедр «социологии и социальной; психологии», так как у нас существует значительная армия психологов с социологической ориентацией, которые могли бы составить кадровый костяк этих кафедр, и к тому же социально-психологическая ориентация могла бы противостоять увлечению социально-статистическими исследованиями.

Во-вторых, задача развития фундаментальных исследований и теоретических концепций должна занять приоритетное место в деятельности академических научно-исследовательских центров, и в первую очередь в ИС АН СССР, где до сих пор нет отдела теоретических проблем социологии. Большинство социологов-эмпириков в силу прагматической ориентации проводимых ими исследований не проявляют к этим вопросам никакого интереса. В массе своей социологи имеют очень смутное представление о методологических проблемах формирования теоретического знания в социологии, отсутствуют элементарные познания о современной мировой социологии.

И, наконец, самое главное, что требуется для радикальной перестройки отечественной социологии — это преодолеть идеологическую зашоренность и политическую ангажированность науки, развивая критическое самосознание и гражданскую ответственность ученых. Необходимо, наконец, отрешиться от стереотипного восприятия социологии как сугубо прикладной дисциплины, ибо в этом своем качестве она неизбежно будет оставаться частью административно-бюрократической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shils E. The calling of sociology //Theories of society. 1961. Vol. 2.
2. Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев — Харьков, 1893.
3. Blumer H. Sociological analysis and the «variable» // Amer. sociolog. rev. N. Y., 1956, Vol. 21. № 6.
4. Ядов В. А. Перестройка требует научного знания о социальном субъекте общественных процессов/Социология перестройки. М.: Наука, 1990.
5. Иванов В. Н. Социология сегодня. М.: Наука, 1989.
6. Марксистско-ленинская социология. М.: Наука, 1988.
7. Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // Социол. исслед. 1990. № 3.
8. Мацковский М. С. О систематизации понятийного аппарата социологии семьи// Социол. исслед. 1987. № 1.
9. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. М.: Прогресс, 1987